

ОПТИМИЗАЦИЯ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ КРИТИКИ И ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Амонов Худойберди Равшанович

*Самаркандский государственный медицинский университет
Самарканд, Узбекистан*

Аннотация. *Находясь на пересечении множества дисциплин и направлений исследований, постколониальные теории предлагают широкий взгляд не только на культурное наследие колониализма и империализма как таковые, но и на более сложные и многогранные проблемы современности («колониальность власти», «геополитика знаний»), а также условия их возникновения. Постколониальные теории способствуют критическому переосмыслению евроцентрических нарративов, противодействуя телеологическим и линейным представлениям о современности. Несмотря на свою популярность, постколониальные исследовательские подходы проникли в теорию международных отношений довольно поздно. Обе области интеллектуального поиска развивались как по отдельности, так и противостоя друг другу в самой своей эпистемологической сути. На основе обзора обширной литературы автор исследует связи между производством постколониальных знаний и теорией международных отношений, тем самым освещая проблемы современной политической науки и международных исследований. Формирование интегративных подходов к изучению мировой политики позволит обеспечить консолидацию как политической науки, так и международных исследований и успешное взаимодействие этих областей знания.*

Ключевые слова: постколониализм, колониальность, геополитика знаний, теория международных отношений, деколонизация
остколониальные концепции возникли в рамках культурных исследований и были сосредоточены на выявлении социальных, культурных, политических и экономических последствий европейской колонизации. Постколониализм можно понимать как критический ревизионистский подход, который активно

влият на академические круг, начиная с 1960-х годов, в сочетании с другими контрдискурсами, такими как постструктурализм, афроамериканские исследования, исследования феминизма и гендерные исследования, исследования идентичности, языка, национализма, расизма, этнографии и антропологии. С течением времени постколониализм вобрал в себя множество идей и концепций из самых разных дисциплин. Постколониализм можно рассматривать как «реакцию» на колониализм или отход от него, точно так же как постмодернизм является «реакцией» на модернизм: сам термин «постколониализм» укоренен в постмодернизме, с которым он разделяет часть понятий и подходов. Например, одним из центральных понятий постколониальной науки является бифокальный подход, направленный на анализ властных отношений и выработку нормативных стратегий противодействия или деколонизации доминирующих историографий, а также эпистемологических и онтологических допущений, основанных на европоцентристском опыте. Фокус внимания на этих компонентах характерен для большинства исследователей постколониализма, что формирует образ чего-то «большого, чем просто теория» (Chibber 2013: 2). Вместе с тем такой взгляд на постколониализм вызывает целый ряд вопросов: насколько его можно считать теорией как таковой, должны ли и могут ли в рамках постколониальных исследований выдвигаться конкретные методы и концепции (Smith 1999; Spivak 2003; Chandra 2013). По сути? постколониализм, вопреки тому смыслу, который несёт в себе суффикс «-изм», не может пониматься как цельная теория, так как объединяет в себе целое разнообразие концепций и взглядов, опирающихся на матрицу знаний и политико-социальную субъективность той или иной истории и культуры. Кроме того, постколониализм не является субстантивной теорией, теорией среднего уровня. Множественность точек зрения обусловлена различными интерпретациями постколониальных условий, особенно при сравнении временных и пространственных факторов. Это многообразие контекстов, в которых (пере)конституируется «постколониальный субъект», порождает фундаментальную проблему: постколониальные и колониальные условия значительно варьируются по форме и содержанию в разные исторические периоды, а также в различных регионах земного шара. Однако, несмотря на попытки постколониальной критики объяснить эту сложность, понятие постколониализма часто трактуют через категорию исторической

преимущества. Приставка «пост-» понимается как исторический маркер, требующий определения отправной точки в истории (Young 2001; Seth 2013) или ее конца (Dabashi 2012). Эдвард Саид, выдающийся постколониалист, утверждал, что Бандунгскую конференцию 1955 года можно условно считать отправной точкой «постколониального»¹, поскольку эта дата положила начало изменению типа имперской конфронтации, с которой пришлось столкнуться постколониальным государствам (Said 2003: 104). В постколониальной мысли линейные подходы проблематизируются по крайней мере двумя способами. Во-первых, они склонны упрощать разнообразие историй и культур ранее колонизированных людей, народов, обществ сквозь призму европейской темпоральности, содержащей в себе представления о «развитии» и «прогессе». Постколониальная критика демонстрирует, что более тонкое понимание того или иного социума может быть достигнуто путем смещения данного временного акцента, характерного для европейской мысли, в сторону пространственного разнообразия мировой политики. Идея «прогесса» явилась центральной для оправдания империализма и олицетворяла линейное, телеологическое развитие истории по европейским представлениям. С теми, кто не соглашался, оставались в «зале ожидания истории» (Chakrabarty 2000: 8). Во-вторых, постколониальная критика обращает внимание на, казалось бы, меняющийся характер мировой политики XXI века, а также состояние «глобальной колониальности». Несмотря на формальное прекращение прямого контроля, колониальные структуры продолжают обуславливать соотношение сил в глобальной политике, описанное как «империализм без колоний» (McClintock 1992: 89). Отмечается, что доказательства вины и ответственности все более перемещаются в неподдающуюся объективно обоснованным количественным оценкам ментальную и духовную сферу, где происходит «вживление» колониального способа мышления и навязываются западные парадигмы в образе жизни, системе ценностей, науке, литературе, театре, кино, моде и т.п. (Фитуни, Абрамова 2020: 30). Различия подходов возникают и в связи со множеством толкований сути, измерений, проявлений и последствий колониальности. С течением времени авторские взгляды внутри постколониальных исследований разошлись, что привело к разночтению и противоречиям между постколониальной и деколониальной трактовками. Основное различие между ними состоит в том, что постколониальная теория в узком смысле чаще всего

воспринимается как отражение типичного для европейской современности дуализма, тем самым воспроизводя состояние эпистемологической колониальности. Как пронизательно отмечает М. Глостанова, представитель деколониальной теории на постсоветском пространстве, постколониальные исследования, по сути, есть перевод проблематики колониализма на понятный Западу язык. Иными словами, постколониализм часто попадает в ту же ловушку дихотомического мышления, которую постколониалисты сами осуждают, и пытается вырваться. Постколониальные исследования не меняют присущих модерности и фундаментальных для нее дискурсов прогресса и развития и не ставят под сомнение классической современной матрицы перевода географии в хронологию. Деколониальная трактовка, как сравнительно новое направление критического мышления, отличается от постколониализма тем, что радикально ставит под вопрос саму логику и систему современной матрицы знаний и дисциплинарности. Целью данной статьи, однако, не является оценка растущего академического поля постколониальных и деколониальных исследований со всеми их внутренними различиями. Следует отметить, что в более широком смысле оба подхода имеют одинаковое происхождение, несмотря на то, что они формулируют несколько разные цели и задачи. Постколониальная мысль – это перформативный способ критического ревизионизма, направленный на колониальное прошлое и оценивающий его современное наследие, также сосредотачивающийся на тех формах колониализма, которые появились в нынешнее время в контексте всё более глобального, но не полностью деколонизированного мира (Huggan 2013: 10). Это широкое определение, сформулированное Г. Хагганом, не только оспаривает европоцентрические нарративы, но и отвергает телеологические концептуализации в целом. Постколониализм в этом смысле можно понимать как традицию критического мышления, получившую развитие в выдающихся работах Э. Саида (1978), Г. Спивака (1988) и Х. Бхабхи (1994), которые затем легли в основу академических постколониальных исследований. Таким образом, условно можно выделить две общие генеалогии в постколониальной мысли: это подходы, сфокусированные на дискурсивном конструировании идентичностей субальтернов, и подходы, подчеркивающие социально-экономические и политико-эпистемологические условия постколониальных отношений. Хотя между ними есть явно пересекающиеся черты, можно сказать, что эти генеалогии сформировали различные направления

исследований. К первой группе относятся исследования вышеупомянутых Саида, Спивака и Бхабхи. Базируясь на постструктуралистских работах Фуко (Саид), Альтюссера, Лакана (Бхабха) и Дерриды (Спивак), их теория колониального дискурса в основном сосредоточилась на социальном воспроизводстве постколониальных представлений о субальтернах (Chaturvedi 2012). Вторая группа представлена менее известными авторами – представителями латиноамериканского мира: Анибал Кихано, Вальтер Миньоло, Альберто Морейрас, Энрике Дуссель, Фернандо Корониль, Рамон Гроссфогель и др. Считается, что с XVI века начинает формироваться общая структура «колониальности власти», воплощающая в себе идеи современности и прогресса, распространившаяся с развитием западного капитализма, формированием атлантических торговых путей и неолиберального рынка (Quijano 2000). Если на протяжении XVI-XIX веков колонизированные «Другие» были охарактеризованы как «люди без письма» и «люди без истории», то в XX веке они считались «людьми без развития», а к началу XXI века – «людьми без демократии». Таким образом, колониальность власти является скрытой, но неотъемлемой частью риторики модерности, так как ее замаскированная структура «соединяет формирование расы (расизма), контроль труда (капиталистическую эксплуатацию), контроль государства и субъектности (в том числе и в гендерной сфере и сфере сексуальности), и, наконец, важнейший контроль над производством знаний, [...], создание западной монополии знаний в современной истории»³. Важным шагом на пути к становлению деколониальной критики внутри латиноамериканской школы стало развитие теории зависимости, «внутреннего колониализма», анализ проблем глобальных неолиберальных структур и их влияния со ссылкой на теорию мир-систем (Wallerstein 1979: 2004). По Миньоло, постколониальная критика непременно должна вбирать в себя взгляды на историю со стороны представителей «сообществ-молчунов», которые были отстранены от процесса геокультурного конструирования Нового Света. Он утверждает, что пока современность преподносится как «риторика спасения», за ней скрывается колониальность, логика угнетения и эксплуатации. В этой интерпретации капитализм и колониальность рассматриваются как аспекты одного и того же инструмента контроля над экономикой, гендером, сексуальностью, знанием и субъективностью (Mignolo 2000; Quijano 2000; Quijano 2007). Если принять, как утверждает Кихано, что современность и

колониальность – две стороны одного и того же процесса (Quijano 2000), тогда все современные институты, включая высшее образование, должны были бы быть созданными в контексте колониальности. Иными словами, колониальный опыт является определяющим и для современных преобразований: производство и применение знаний, идей, труда, капитала и актуальных процессов имеет тенденцию поддерживать превосходство Запада над «отсталыми» регионами мира. Очевидно, что картина сложнее, чем описано такой широкой кистью критического жанра, но концепция колониальности довольно отчётливо описывает и, следовательно, способствует прослеживанию тончайших структурных аспектов, тенденций и протекающих трансформаций. Таким образом, идея колониальности проливает свет на тот факт, что основная динамика современности в мировой политике не обязательно универсализирует или уравнивает, но воспроизводит иерархически упорядоченный мир. Оценка того, какие подходы и трактовки обеспечивают лучшее объяснение мировой политики – задача, которая выходит за рамки простого сравнения колониальной и деколониальной критики, поскольку требует исследования содержания понятия «мировой политики», а также лежащих в ее основе эпистемологических и онтологических допущений. Очевидно, что исследование этой сложной, многогранной, изменчивой области должно подразумевать критический разбор не только основных теорий международных отношений, но и осознание их ограничений, таких как зависимость от методологического национализма, применения конвенциональных категорий и рамок, претензии на универсальность, построение «центричных» теорий. В этой связи важно переосмыслить роль постколониальной мысли в теории международных отношений как множества точек зрения, интерпретаций и подходов к вопросам идентичности, культуры и власти, которые разделяют общую озабоченность дискурсами и практиками колониализма и империализма и тем, как они продолжают проявляться в современной мировой политике. При этом необходимо переосмыслить значение существующих в интеллектуальном арсенале представлений о мировой политике и то, как они создаются. Важно не ограничиваться исследованием той или иной теории, сравнивать и противопоставлять, как это традиционно делается, а проблематизировать эпистемологию, основы познания, присущие производству знаний о мировой политике в теории международных отношений. Геополитика знаний

Постколониальные исследования утверждают, что дискурс социальных наук современности находится в кризисе. Это наблюдение оказывает существенное влияние на производство знаний в эпоху глобализации, поскольку ставит под сомнение сами «основы знания». Следовательно, постколониальная критика ставит цель разрушить господствующие дискурсы «освобождающего разума» («razón liberadora»; Dussel 1994), воспроизводящие истины, основанные на европейском опыте. Таким образом, она нацелена на тщательное изучение понятий и концепций, принимающихся в качестве должных в общественных науках. В этом отношении ключевой проблемой является понятие «геополитики знаний». «Геополитика знаний» (geopolitics of knowledge) – это концепция деколонизации, дискутируемая в основном среди латиноамериканских учёных. Согласно данной концепции, историческая экспансия западного капитализма подразумевала расширение западной эпистемологии во всех ее ответвлениях: от инструментального разума, сопровождавшего промышленную революцию и преподносимого в качестве риторики спасения, до стандартов науки, здравого смысла и т.п. (Dussel 1993, 1994; Mignolo 2002, 2003; Grosfoguel 2002). Постколониальная критика уделяет особое внимание различным проявлениям европоцентрического мышления в политических науках. Беглого взгляда достаточно, например, чтобы заметить, что траектория политической мысли в целом демонстрирует европоцентрическую тенденцию: будь то кантовский «вечный мир» как источник либеральной мысли и «Конец истории и последний человек» Ф. Фукуямы (1992) как трансляция этой же кантовской логики, и представление о западном капиталистическом модерне как единственном жизнеспособном выборе для человечества (таких примеров множество). Более того, в повседневной академической лексике существует ряд широко распространённых категорий, понятий, подходов и методов («анархия», «несостоятельное государство», «негосударственные субъекты», «полевые исследования», «позитивизм», «рациональный выбор», «гражданское общество»), которые продвигаются как нейтральные и объективные категории/критерии универсального исследования, однако же, могут оказаться довольно проблематичными при более внимательном рассмотрении. С. Кавирадж описывает расхождения между понятиями современной европоцентрической политической лексики, с одной стороны, и социальными реалиями и условиями их возникновения в странах третьего мира, с другой:

«Язык современной политики удивительно и обманчиво универсален. Куда бы мы ни шли в третьем мире мы встречаем социалистов, либералов, подозрительно большое количество демократов из всех разновидностей, националистов, федералистов и центристов. Тем не менее, в большинстве случаев их фактическое поведение существенно отличается от того, что мы обычно ожидаем с учетом давно установившихся значения этих терминов в западной политической и общественной мысли. Таким образом, при изучении политики в странах третьего мира мы сталкиваемся с серьёзным несоответствием между формулировками, описывающими это мир, и объектами, которые его населяют» (Kaviraj 2001: 289). «Политическая лексика современности» непременно влияет на дискурс о социально-политических процессах становления в России и на постсоветском пространстве в целом. Несмотря на то, что в зарубежной литературе по теории международных отношений постколониализм достаточно хорошо изучен, а сам он превратился в одно из влиятельных направлений постпозитивистской парадигмы теории международных отношений, в российской международнополитической науке как сама школа, так и её изучение находятся в зачаточной форме. Попытка разобраться с историей и основными постулатами этой школы является одной из важнейших задач в контексте переосмысления «политического» на постсоветском пространстве. Исследование становления постсоветской Центральной Азии, например, по-прежнему в значительной степени основывается на устойчивых представлениях, которые навязывают старые образцы и прототипные модели, в которых понимание региона формируется его дискурсивным воспроизведением как «важный фактор стабильности/безопасности», «площадка» для сотрудничества/борьбы между «великими державами»; при этом игнорируя культурно-исторические условия возникновения местной специфики, социально-политическую субъектность (Elmuradov 2021). При этом примечательно, что сами ученые из Центральной Азии чаще всего оказываются пассивными получателями и воспроизводителями знаний, уходящих корнями в западную эпистемологию, нежели чем производителями новых, отличных точек зрения. В. Морозов применяет постколониальную теорию к России, рассматривая ее как «субальтернативную империю». В своей новаторской книге «Постколониальная идентичность России: Субальтернативная империя в европоцентричном мире» автор «подталкивает» постколониальные и

конструктивистские исследования к непростому диалогу, который демонстрирует напряженность и выявляет многочисленные белые пятна в обоих подходах (Морозов 2015). Критический обзор существующей литературы позволил автору проанализировать, как положение России в международной системе обусловило её внутреннее развитие, как это, в свою очередь, привело к конкретным внешнеполитическим результатам. Приняв евроцентрическое мировоззрение, Россия тем не менее отличается от европейских стран: это различие определяется не культурой, а скорее неравномерным и комбинированным развитием глобального капитализма, в который Россия интегрирована как полупериферийная нация. Российское государство, колонизируя свою периферию, расширилось с запада в разные направления, но так и не смогло преодолеть экономическую и нормативную зависимость от западного мира. Своеобразная диалектика подчиненного и имперского в постсоветский период породила официальный дискурс, который основан на идее защиты «подлинно российских ценностей», хотя на самом деле за этим новым традиционализмом стоит всего лишь отрицание западной гегемонии (Морозов 2015). Таким образом, постколониальная критика в теории международных отношений пытается разрушить представление о Европе как о единственном активном созидателе всемирной истории. Этот миф влечет за собой повествование о Европе как о современной и прогрессивной цивилизации на протяжении всей истории, что и привело к естественному возвышению её значимости в мире. Согласно этой идее, отсталость, по существу присущая «традиционным обществам» за пределами Запада, привела к логическому распространению «освобождающего разума» на глобальные периферии. Создание национальных государств в Европе и колониальное предприятие по созданию государств в остальном мире основано на этой идее, которая всё ещё сохраняет глубокие корни в мышлении о международном, глобальном и мировом. Два важных паттерна лежат в основе этих корней: антиисторический характер доминирующих теорий международных отношений и эпистемологический эссенциализм используемых категорий. Практика теоретизации международных отношений не проявляет особого интереса к глобальной/транслокальной истории⁴ и вообще понятию историчности, поскольку история и историчность считаются не очень важными, если определяющей чертой международного порядка является предположение о трансисторической «анархии» или о государствах

как «рациональных однородных единицах»⁵. Эпистемология не аисторична, она не может быть сведена к линейной истории от античного до современного производства знаний в Северной Атлантике. Эпистемология должна быть пространственной по своей историчности. То, что антиисторическая концепция доминирующих теорий, таких как неореализм, рассматривает Вестфальскую систему в качестве отправной точки для теоретизации о международном в академических дебатах, является онтологическим и эпистемологическим препятствием для познания реальности (Ling 2002; Hobson 2007; Acharya, Buzan 2010). Неспособность оценить неокOLONIAльные структуры и учесть постколониальный опыт в значительной степени проистекает из колониального наследия самой теории международных отношений (Inayatullah, Blaney 2004). Долгое время в системе общественных наук на Западе теория международных отношений была (и остается в той или иной форме) направлением для воспроизводства элиты, вовлечённой в проект поддержания империи или управления постимперскими отношениями. На протяжении второй половины XX века академические круги всё больше ратовали за деколонизацию и обеспечивали встречи интеллектуалов из колонизированного мира для разработки будущих идей и стратегий. Однако несмотря на радикальные изменения, связанные с деколонизацией, «освободительный разум» так и не был полностью устранен. В своей работе Инаятулла и Блейни предлагают не только убедительные эмпирические аргументы в пользу исключительных практик внутри и за пределами академических кругов, но также объясняют, что теория международных отношений в недостаточной мере учитывает культурные различия и незападный опыт. Построив абсолютные и объективные «стандарты», доминирующие теории стали парадигмальными, что в конечном итоге и порождает насилие ради «теоретической чистоты» (Inayatullah, Blaney 2004: 168). Это замечание Инаятуллы и Блейни напоминает острое наблюдение А. Тикнер о том, что «теория не отражает природу, а, скорее, ученые несут ответственность за преобразование природы в слова» (Tickner 2013: 630). Seriously относясь к роли временных и пространственных условий для производства знаний, критики выдвигают социально-исторический подход, предполагающий альтернативные прочтения. Например, вызов европоцентрическому нарративу был брошен в работе Д. Хобсона «Восточные истоки западной цивилизации». Отказываясь от европоцентризма, Хобсон

прослеживает различные события в экономике, торговле и науке на протяжении более тысячи лет в различных регионах по всему миру. В частности, он описывает, каким образом Запад смог извлечь выгоду из активного взаимодействия с другими регионами и странами, такими как Китай, Индия, исламские империи и Африка (Hobson 2004). Стоит отметить еще одну книгу Д. Хобсона «Евроцентрическая концепция мировой политики», в которой подробно рассматриваются различные западные международные теории, возникавшие с 1760-х по 2010-е годы. Он разделяет общее наблюдение постколониальных исследований в том, что теории «не многое объясняют о международной реальности [...], но стремятся, часто неосознанно, продвигать Запад в качестве активного субъекта, высшего или идеального нормативного референта в мировой политике» (Hobson 2012: 1). Примечательно, что не все теории международных отношений, отнесённые к европоцентрическим, «осознают» нормативный характер своих концепций (Hall, Hobson 2010; Jabri 2014). Постколониальная критика проблематизирует не только антиисторический характер теорий международных отношений, но и используемые категории, понятия и концепции, принятые в качестве аксиом. Учёные разделяют убеждение, что эпистемологический эссенциализм должен подвергаться сомнению, потому что он реифицирует доминирующие структуры (Seth 2013, Ling 2014; Sabaratnam 2013, 2017). Согласно С. Сену, построение государства за пределами Европы привело к становлению колониальной модерности в XVIII и XIX веках, а вместе с тем и распространению множества понятий европейского происхождения. Отношения между гражданским обществом и государством, которые считались естественными в Европе, не коррелировали с представлениями коренных народов, например, в Индии, и колониальное государство не пыталось учесть их при формировании собственных институтов (Sen 2002). В качестве другого примера стоит отметить работу А. Заракол «После поражения: как Восток научился жить с Западом», в которой автор рассматривает три «восточные» страны, потерпевшие крупные военные поражения: Турция после Первой мировой войны, Япония после Второй мировой войны и Россия после холодной войны. Один из выдвинутых аргументов заключается в том, что «внутренние нарративы «модернизации» после поражения как в Японии, в России, так и в Турции имеют поразительное сходство» (Zarakol 2011: 9): во всех случаях политические элиты успешно

использовали этот нарратив, видя себя в качестве посредников между современным Западом и «отсталыми» обществами. Заракол указывает на нерелективный характер доминирующих теорий международных отношений, работающих с априорными предположениями о существовании системы национальных государств в глобальном масштабе (Zarakol 2011). Декolonизация теории международных отношений Открытым остается вопрос о том, внесла ли постколониальная критика равнозначный вклад в проблематизацию современных процессов мировой политики по сравнению с классическими парадигмами. На этот вопрос следует ответить, несомненно, утвердительно. Постколониализм, в конечном счете, предполагает пристальный взгляд на различные аспекты социальной жизни, включая опыт, ценности, историю. Как таковые постколониальные подходы могут также привлекать духовные, религиозные, трансцендентальные и незападные философские концепции, которые часто могут трактоваться в качестве иррациональных или ненаучных в западных академических кругах (Shani 2007, 2008; Acharya 2011; Shilliam 2011; Ling 2014). При этом стоит признать и наличие определенных недостатков и ограничений: например, опора постколониальной мысли на постмодернизм и постструктурализм, а также на европейские способы производства знаний (Dirlik 1994; Brown 1994). Постструктурализм и постмодернизм понимаются как «внутренняя» критика современности, в то время как постколониализм описывает особый способ критики со стороны Азии, Африки и Латинской Америки. Бинарные конструкции на онтологическом и эпистемологическом уровне, однако, все больше оспариваются в свете растущего взаимодействия между обществами по всему миру (Matin 2013). Ряд ученых призывает переосмыслить в новом эпистемологическом свете основные парадигмы в теории международных отношений и критически, и всесторонне исследовать способ производства нового знания. Речь идет и о развитии относительно новых областей, таких как «глобальная социология» (Global Sociology) и «глобальная история» (Global History) (Go 2016; Go, Lawson 2017). Декolonизация критика рассматривает эти призывы с точки зрения декolonизации различных областей исследования: декolonизация общественных наук должна выйти за рамки концепций внутри той или иной области и содержать направления неевропоцентричной критики, декolonизируя производство самого знания (Tlostanova 2019). Сказанное не означает, что декolonизацию производства

знания следует понимать как представление контрдискурсов; скорее она понимается как продуктивный результат постколониальной критики, направленной на изменение значения норм и институтов в глобальном масштабе в соответствии с более справедливым и инклюзивным видением. В рамках теории международных отношений деколониальные подходы варьируются от незападных теорий до отдельных аналитических попыток оспорить эпистемологические и онтологические предположения существующих парадигм. Как утверждает С. Сет, «незападная теория международных отношений по-прежнему будет теорией международных отношений» (Seth 2013: 2). С другой стороны, активно дискутируется возможность консолидации китайской, индийской или латиноамериканской теории международных отношений (Tickner 2003; Chan, Moore 2009; Tickner, Wæver 2009; Acharya 2011). Большинство из этих новых подходов направлено на формулирование идей децентрализованного мира, представленной, например, в работе Д. Чакрабарты «Провинциализация Европы» (Chakrabarty 2000). Необходимо подчеркнуть, что стратегии деколонизации должны учитывать широкий спектр факторов, среди которых находит место и размывание границ в контексте глобализации. С усилением последней, подстёгиваемой миграцией, постколониальное превратилось в «момент» глобального человеческого существования, не во временном смысле, а дискурсивно и аффективно, социально-экономически и т.д. Колониальность продолжает оставаться в этой новой глобальной среде неназванной, невысказанной движущей силой модернизации и рынка (Mignolo 2012: 220). В нынешних условиях научное сообщество нуждается в новом диалоге, значимость которого заключается в разработке стратегий деколонизации в рамках академической практики и научных исследований (Shilliam 2021). «Деколонизация» должна определять способы, которыми среда знаний воспроизводит колониальные иерархии. Очевидно, что одним из важных факторов являются университеты и учебные программы. Как выглядят учебные планы? Какая литература/авторы/темы используются? В то время как одна модель образовательной среды рассматривает академиков как дарителей знаний студенческому сообществу, деколонизация учебных программ тем не менее означает создание пространства и ресурсов для диалога о том, что преподается, как это формирует наш мир.

Литература:

1. Abdurakhmanovich A. A., Furkatovich A. R. Methods of early surgical treatment of Burns //Web of Scientist: International Scientific Research Journal. – 2022. – Т. 3. – №. 6. – С. 528-532.
2. Allazov S. A., Ruziboev S. A. Значение лейкоцитарного индекса интоксикации в оценке тяжести инфекции верхних мочевых путей //Клінічна анатомія та оперативна хірургія. – 2017. – Т. 16. – №. 1. – С. 85-88.
3. Daminov F. A. et al. Surgical tactics for the treatment of diffuse toxic goiter //Academic Journal of Western Siberia. – 2013. – Т. 9. – №. 1. – С. 21-25.
4. Daminov F. A. et all, 2013. Khirurgicheskaya taktika lecheniya diffuzno-toksicheskogo zoba [Surgical tactics of treatment diffuse-toxic goiter] //Academic Journal of Western Siberia (Vols. 9). – Т. 1.
5. Daminov F. A. i dr. Xirurgicheskaya taktika lecheniya diffuzno-toksicheskogo zoba //Akademicheskii jurnal Zapadnoy Sibiri. – 2013. – Т. 9. – №. 1. – С. 21-21.
6. Daminov F. A. Khirurgicheskaya taktika lecheniya diffuzno-toksicheskogo zoba. Academic Journal of Western Siberia (Vols. 9). 1 (Pp. 21). – 2013.
7. Daminov F. A., Tagaev K. R. Diagnosis, treatment and prevention of erosive-ulceral diseases of the gastrointestinal tract in heavy bears //Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems. – 2020. – Т. 12. – №. 7 Special Issue. – С. 150-153.
8. Devyatov A. V., Babadjanov A. K., Ruziboev S. A. EVALUATION OF QUALITY OF LIFE OF PATIENTS WITH LIVER CIRRHOSIS AFTER PORTOSYSTEMIC SHUNTING DEPENDING ON COMPLIANCE OF POSTOPERATIVE RECOMMENDATIONS //Toshkent tibbiyot akademiyasi axborotnomasi. – 2019. – №. 1. – С. 53-59.
9. Erkinovich K. Y. METHODS OF EARLY SURGICAL TREATMENT OF BURNS //Central Asian Research Journal for Interdisciplinary Studies (CARJIS). – 2022. – Т. 2. – №. Special Issue 4. – С. 184-188.
10. Gulnigor Y. HOW TO TEACH ENGLISH WORDS IN BEGINNER CLASSES //Research Focus. – 2022. – №. Special issue 1. – С. 3-6.
11. Gulnigor Y. MAKTABGACHA YOSHDAGI BOLALAR NUTQINI RIVOJLANTIRISHNING ZAMONAVIY TEXNOLOGIYALARI VA METODLARI //SO ‘NGI ILMIY TADQIQOTLAR NAZARIYASI. – 2022. – Т. 1. – №. 3. – С. 39-44.
12. Ibadov R. A. et al. Standardization of intensive therapy tactics for acute hepatic insufficiency in patients with liver cirrhosis after portosystem shunting //Khirurgiia. – 2018. – №. 8. – С. 61-67.
13. Karabaev H. K. et al. BURN INJURY IN ELDERLY AND OLD AGE PERSONS //Art of Medicine. International Medical Scientific Journal. – 2022. – Т. 2. – №. 1.

14. Khasanovich B. A. et al. Efficacy of Endoscopic Interventions in Prevention of Gastroesophageal Bleeding in Patients with Liver Cirrhosis. – 2016.
15. Kurbaniyazov Z. B. et al. MINIMALLY INVASIVE INTERVENTIONS IN THE SURGICAL TREATMENT OF CHRONIC LOWER LIMB VENOUS INSUFFICIENCY //World Bulletin of Public Health. – 2022. – T. 8. – С. 157-160.
16. Kurbaniyazov Z. et al. Sposob nenatyazhnoy gernioalloplastiki u bol'nykh pakhovoy gryzhey //Ofitsial'nyy byulleten. – 2014. – T. 6. – №. 158. – С. 7-8.
17. Mansurov T. T., Daminov F. A. ANALYSIS OF THE RESULTS OF THE POSSIBILITY OF VIDEOLAPAROSCOPY IN THE DIAGNOSTICS AND TREATMENT OF ACUTE INTESTINAL OBSTRUCTION //Art of Medicine. International Medical Scientific Journal. – 2022. – T. 2. – №. 1.
18. Mansurov T. T., Daminov F. A. Complex Diagnosis and Treatment of Patients with Acute Adhesive Intestinal Obstruction //British Medical Journal. – 2022. – T. 2. – №. 1.
19. Mansurov T. T., Daminov F. A. LAPAROSCOPIC ADHESIOLYSIS IN TREATMENT OF ACUTE ADHESIVE INTESTINAL OBSTRUCTION //Conference Zone. – 2021. – С. 141-142.
20. Matlubov M. M. et al. Комплексный подход к оценке риска анестезиологического пособия и родоразрешения у пациентов с ожирением //Клінічна анатомія та оперативна хірургія. – 2015. – Т. 14. – №. 2. – С. 6-10.
21. Muzaffarovna Y. G. Challenges in Teaching English as a Second Language to Adults, Multilingual Settings and Teaching Methods //Eurasian Journal of Learning and Academic Teaching. – 2022. – Т. 12. – С. 17-22.
22. Muzaffarovna Y. G. Creating facilities in the educational system and knowing how to use them //PEDAGOGS journali. – 2022. – Т. 17. – №. 1. – С. 26-29.
23. Muzaffarovna Y. G. FOREIGN LANGUAGE TEACHING COMPETENCIES IN PRIMARY EDUCATION //Emergent: Journal of Educational Discoveries and Lifelong Learning (EJEDL). – 2022. – Т. 3. – №. 09. – С. 15-21.
24. Muzaffarovna Y. G. INNOVATIVE METHODS OF TEACHING ENGLISH IN PRIMARY SCHOOLS //Research Focus. – 2022. – №. Special issue 1. – С. 7-10.
25. Muzaffarovna Y. G. MODERN PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES IN TEACHING ENGLISH //Central Asian Research Journal for Interdisciplinary Studies (CARJIS). – 2022. – Т. 2. – №. Special Issue 4. – С. 160-164.
26. Muzaffarovna Y. G. Yazdankulova Gulnigor Muzaffarovna //O'ZBEKISTONDA FANLARARO INNOVATSIYALAR VA ILMIY TADQIQOTLAR JURNALI. – 2022. – Т. 1. – №. 9. – С. 442-445.
27. Rakhmanov K. E. et al. Optimizatsiya gernioalloplastiki pakhovykh gryzh. – 2014.
28. Ruziboev S. A., Daminov F. A. OUR EXPERIENCE IN TREATMENT OF STRESS ULTRASONS IN SEVERE BURNED //Euro-Asia Conferences. – 2021. – Т. 1. – №. 1. – С. 447-449.

29. Ruziboev S. A., Khakimov E. A. Surgical treatment of deep burns in persons of aged and geriatric age with burdened premorbid background // Vestnyk Neotlozhnoy I Vosstanovitelnoy Khirurgii. – 2011. – T. 12. – №. 1. – С. 30-33.
30. Turayevich Y. O., Saydullaev Z. Y., Daminov F. A. DETERMINATION OF THE MECHANISM OF HEMOSTATIC ACTION OF GEPROCELL IN AN EXPERIMENTAL MODEL OF HEAT INJURY // Frontline Medical Sciences and Pharmaceutical Journal. – 2022. – T. 2. – №. 03. – С. 7-18.
31. Yazdankulova G. Innovative methods of teaching English in primary schools // Chet tillarni o'qitishda dolzarb muammolar, innovatsiyalar, an'analar, yechimlar va badiiy adabiyotlar tahlili. – 2022. – T. 1. – №. 01. – С. 199-201.
32. Yuldashev S. S., Allazov S. A., Ruziboev S. A. Оптимизация лечения острого цистита с применением озонотерапии // Клінічна анатомія та оперативна хірургія. – 2017. – Т. 16. – №. 1. – С. 81-84.
33. Yunusov O. T., Daminov F. A., Karabaev H. K. Efficiency of Heprocel in Treatment of Patients with Deep Burns // American Journal of Medicine and Medical Sciences. – 2020. – T. 10. – №. 8. – С. 624-626.
34. Yusupov S. A. et al. DISTANT RESULTS OF SURGICAL TREATMENT OF THYROID NODULES. – 2017.
35. АВАЗОВ А. А. и др. КУЙИШЛАРДА ЕРТА ХИРУРГИК ДАВОЛАШ УСУЛЛАРИ // ЖУРНАЛ БИМЕДИЦИНЫ И ПРАКТИКИ. – 2022. – Т. 7. – №. 4.
36. Авазов А. А., Хурсанов Ё. Э. У., Шакиров Б. М. ҚЎЛНИНГ ЧУҚУР КУЙИШИНИ ДАВОЛАШ ТАКТИКАСИ // Research Focus. – 2022. – №. Special issue 1. – С. 35-42.
37. Аллазов С. А. и др. Новый способ гемостаза при экстренной аденомэктомии простаты // Академический журнал Западной Сибири. – 2014. – Т. 10. – №. 3. – С. 39-39.
38. Ахгамов Ж. А. и др. Результаты комплексного лечения острых панкреатитов // Анналы хирургической гепатологии. – 2005. – Т. 10. – №. 2. – С. 178-178.